

ГЕНИИ И ЗЛОДЕЙСТВО

НОВОЕ МНЕНИЕ
О НАШЕЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

АЛЕКСЕЙ ЩЕРБАКОВ

Дорогой Владимир Петрович!
Спасибо Вам за любезность о следующем заказе:
я получил из Гослитиздата целый ряд стихов
Людвига Коллаха для перевода на русский язык.
Стихи эти до этого были введены в книгу пофран-
цузского автора, которую готовили к печати восточ-
ники.
Среди полученных мною стихов Коллаха есть
Коллаха, Ремизова. Это стихотворение в прозе
подзаголовком — Восток, пробираясь в Босфор, ищет
жизни.
Особенно восторжествует из них стихотворение
о том, как вилланы, полагая, что они свободны,
платились революцией. Но после революции

Алексей Юрьевич Щербаков

Гении и злодейство. Новое мнение о нашей литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2930005

*Алексей Щербаков. Гении и злодейство. Новое мнение о нашей
литературе: Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02903-4*

Аннотация

В массовом сознании известные деятели культуры советского периода предстают невинными жертвами красных монстров. Во многом, конечно, так оно и было. Однако не все было так просто. Отношения деятелей культуры – в том числе и литераторов – с советской властью были очень непростыми. Власть пыталась использовать писателей в своих целях, они ее – в своих. Автор предлагает посмотреть на великих писателей советского времени взглядом, не затуманенным слезой умиления. Они были такими, какими они были. Сложными людьми, жившими в очень непростой век. Тем и интересны.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	10
Черный квадрат	10
Серебряный упадок	10
Графином в лоб – это победа	19
Ветер больших перемен	33
Пожар в дурдоме	33
Наш пострел везде поспел	37
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Алексей Щербаков

Гении и злодейство. Новое мнение о нашей литературе

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

Зеркало великой эпохи

Дело было в 1920 году в Харькове. В городском саду – излюбленном месте прогулок тамошней публики – дышал воздухом и заехавший в Харьков Сергей Есенин, окруженный кучкой восторженных почитателей. Как часто случалось, поэт внезапно громко, на публику, стал читать свои стихи. Дошло дело и до поэмы «Инония». Начиналось это произведение так:

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.
Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело Христово, тело
Выплываю изо рта.

Потом поэт сообщил, что «даже Богу я выщиплю бороду/Оскалом моих зубов».

И так далее в том же духе.

Есенин в те времена был не слишком-то известен широким народным массам. Да и вообще, собравшаяся публика,

скорее всего, даже не поняла, что это стихи. Поняли другое. Молодой и наглый парень у всех на глазах занимается вызывающим богохульством. Да не каким-нибудь примитивно-ругательным, а «по понятиям» – вся поэма построена на библейских образах, так сказать вывернутых наизнанку. Быстро собралась толпа, которая стала надвигаться на Есенина с очень недвусмысленными намерениями...

Неизвестно, чем бы это все закончилось. Возмущенные граждане были настроены серьезно – так что жизнь поэта могла бы оборваться на пять лет раньше. Но тут откуда ни возьмись возникла группа матросов. Скорее всего, это был какой-то большевистский «спецназ». Иначе откуда матросы в абсолютно сухопутном Харькове, удаленном на тот момент от основных фронтов догорающей Гражданской войны? Но, как бы то ни было, матросы быстро разобрались в ситуации, расправили литые плечи и положили руки на кобуры маузеров.

– Читай, товарищ! – сказали они Есенину.

Публика знала, что с красными матросами лучше не связываться. Пришлось прикусить языки. А Сергей Есенин продолжал свое импровизированное выступление под надежной охраной революционной братвы¹.

¹ Это слово вышло именно из матросского лексикона времен революции.

Этот эпизод очень символичен. Его стоит вспомнить, когда речь заходит о взаимоотношении советской власти и известных писателей. Сегодня в массовое сознание вбрасываются очередные сказки, в которых все известные деятели культуры советского периода предстают невинными жертвами красных монстров. В этом ключе был выстроен, к примеру, недавно прошедший сериал «Есенин». Другой сериал, «Мастер и Маргарита», изготовлен по тому же лекалу. Да и остальные деятели культуры... Маяковского и Горького тоже убили, Гумилева расстреляли, Мандельштама сгноили в лагере, Булгакова и Пастернака всю жизнь травили. А кого не постреляли и не посадили – так у тех всю жизнь стояли над душой и мешали творчески самовыражаться. Кошмар.

Во многом, конечно, так оно и было. Да только не совсем. Не все было так просто. На самом-то деле отношения деятелей культуры – в том числе и литераторов – с советской властью были очень заковыристыми. Власть пыталась использовать писателей в своих целях, они ее – в своих. Речь идет не только – и не столько – о гонорах, тиражах и славе. Хотя и о них тоже.

Но в советское время литература считалась чем-то большим, нежели просто изложение тех или иных мыслей и художественных образов на бумаге. Маяковский мечтал, чтобы

«к штыку приравняли перо». Его и приравняли. А это большой соблазн – соблазн воспользоваться таким положением дел. В очень разных смыслах. Ведь даже «антисоветчики» вроде Солженицына тоже совершенно сознательно использовали такое необычное положение литературы в СССР.

Это была великая эпоха. Эпоха титанов. Как в политике, так и в искусстве. А у титанов, знаете ли, другие мерки и другие ценностные категории. Которые не лезут ни в «общечеловеческие ценности», ни в схемы типа «тиран и гений». Конечно, времена были иногда страшными, иногда нелепыми. Но великие эпохи другими и не бывают. И в эти времена жизнь писателей складывалась... Ну, как складывалась.

Эта книга не совсем о литературе. Она – о времени. Возможно, об одном из самых интересных периодов в истории даже не России, а мировой новейшей истории. А судьбы и произведения людей, умеющих талантливо излагать свои мысли и чувства на бумаге, – просто лучшая иллюстрация тех времен.

Вся эта литература – отнюдь не пыльное прошлое, забытое на библиотечных полках. Как показала реакция на сериал «Есенин», русские зрители отнюдь не безграмотные идиоты, за которых их держала семейка Безруковых. Да и времена... Они меняются. И классики вдруг прочитываются по-новому, а забытые книги становятся бестселлерами.

У нас любят ставить гранитные памятники и создавать идеальные биографии. Это с ужасом предчувствовал Влади-

мир Высоцкий.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули — как я обужен, —
Нате смерти! —
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

А почему бы не посмотреть на великих писателей советского времени взглядом, не затуманенным слезой умиления? Они были такими, какими они были. Сложными людьми, жившими в очень непростой век. Тем и интересны.

Часть первая ОСЕДЛАТЬ МОЛНИЮ

Черный квадрат

Серебряный упадок

И ни церковь, ни кабак,

Ничего не свято.

Эх, ребята, все не так,

Все не так, ребята!

Владимир Высоцкий

Первые годы XX века, точнее, период с 1905 по 1917 год часто называют серебряным веком. Это словосочетание настолько вошло в обиход, что не все уже помнят, откуда оно взялось. Главное – звучит хорошо. Символизирует эдакую смутную ностальгию по красивым и изящным временам, которые закончились в 1917 году. На самом деле первоначально термин звучал как «серебряный век русской поэзии». И только-то. Под золотым веком понималась пушкинская эпоха. Потом наступил упадок, а в первые годы XX века – новый взлет, правда, уже не такой высокий. Ну а поскольку поэзия

в значительной степени определяла культурную жизнь той эпохи, определение распространилось и на все остальное.

В самом деле, по части поэзии эпоха была что надо. Время, когда поэты были популярны если не как сегодняшние попсовые звезды, то как рок-музыканты. И звезд, настоящих, больших, оставшихся в истории, было хоть добывая промышленным способом.

Блок стрелялся на дуэли с Андреем Белым. В «Башне»² Вячеслава Иванова встречались и спорили такие люди, что, если повесить на эту «Башню» мемориальные доски всем, кто того достоин, – стена обвалится. В кафе «Бродячая собака» пили вино Гумилев с Ахматовой, а роль «плохого мальчика Вовочки» в этом кафе играл молодой Маяковский. Ничего себе так.

Но только вот какая странность. Этот же период называют эпохой декаданса, что в переводе с французского означает «упадок». Такой вот парадокс. С одной стороны – расцвет, с другой – упадок. Но это потому, что время это было весьма своеобразным. Вроде бы заводы работали, хлеб растили, железные дороги строились. В столице империи возводились шикарные здания в стиле модерн. В культурной жизни – опять же расцвет. Во всех жанрах. А тем не менее настроение в культурной среде царило довольно паршивое.

² Дом на Таврической улице, 35. Там, в квартире поэта и философа Вячеслава Иванова, проходили «литературные среды», на которых бывали практически все известные литераторы и философы того времени – включая Есенина.

Гнильцой папахивало. Вот что пишет о тех временах Алексей Толстой: «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности. Этому учили молодые писатели, возникавшие за один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными».

Замечу, что Толстой писал это, еще находясь в эмиграции, то есть не стоит полагать, что это он «подлаживался» к советской власти. Нет, Толстой просто описывал то, что видел.

Конечно, таковыми были не все. Но таковой была культурная среда. И литература создавалась соответствующая. Взять хотя бы поэта номер один той эпохи Александра Блока. Его мироощущение было, прямо скажем, мрачноватым – чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть наугад десяток его стихов. Одно из самых знаменитых его циклов стихотворений называется «Пляски смерти». Благодаря рекламному ролику теперь вся страна вспомнила строки оттуда:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь, начнешь опять сначала,

И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Лейтмотивом же цикла является: поэт ощущает себя среди живых мертвецов.

Вообще же оптимистические стихотворения у Блока можно пересчитать по пальцам. Большинство же какие-то болезненные или туманно-мистические. Как, впрочем, и у других символистов. Я не хочу особо утомлять читателя поэтическим цитатами. Приведу слова еще одного «столпа» символизма Андрея Белого (течения, которое было самым значительным в тогдашней литературе – так сказать, системой меры и точкой отсчета, притяжения и отталкивания).

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни, в пространстве исчезни,
Россия, Россия моя!

Проза была тоже не веселее. Можно вспомнить популярный роман Федора Сологуба «Мелкий бес», большинство из героев которого – просто мелкая мразь с психопатологическим уклоном³. Суперпопулярный тогда писатель Лео-

³ Время от времени по ТВ показывают экранизацию этого романа. Режиссер Н. Досталь, по-моему, неплохо справился с задачей. Во всяком случае, дух романа схвачен верно.

нид Андреев наполнил рынок произведениями, которые отличаются уж и вовсе беспросветной «чернухой». Не в смысле описания темных сторон быта, а, так сказать, в философском плане. Все плохо, все гнусно, а будет еще хуже.

Хотя... Есть у Андреева один бодрый роман «Сашка Жегулев». Если современные читатели с ним и знакомы, то по блестящей пародии «митька» Виктора Шинкарева. Книге не повезло. Большевики ее не жаловали за откровенный анархизм, фрондирующая либеральная интеллигенция – за полное безразличие к гуманистическим идеалам.

Между тем роман, несмотря на весьма спорные литературные достоинства, очень интересен. Это, по сути дела, ответ Андреева другу-сопернику Максиму Горькому. Тот выпустил роман «Мать», в котором описал большевиков. Андреев ответил произведением, являющимся апологетикой анархизма.

В романе повествуется о гимназисте Саше, который начал партизанскую борьбу во главе отряда восставших крестьян. Эдакий Че Гевара российского разлива. Забавно поясняются мотивы, по которым повстанцы, в том числе и главари, вписались в это дело: «время настало». И все тут. Автор не видит смысла подыскивать никаких объяснений того, что его герои, которым он явно симпатизирует, льют кровь рекой. «Так надо». Кстати, роман – не такая уж фантазия. В 1905 году на юге Украины действовал партизанский отряд (или, если хотите, банда) будущего знаменитого красного коман-

дира, а тогда анархиста Григория Котовского.

Андреев тут не одинок. Видная чета символистов Мережковский и Гиппиус с восторгом встречались в Париже со знаменитым террористом Борисом Савинковым и остались его преданными сторонниками до смерти последнего. Савинков, кстати, с успехом публиковал под псевдонимом В. Ропшин и собственную прозу, посвященную, понятно, любимому делу – киданию бомб. Люди старательно копали могилу самим себе.

Можно до кучи вспомнить еще одного тогдашнего «столпа» – поэта и прозаика Валерия Брюсова. В его произведениях меньше надрыва и пессимизма. Зато присутствует ницшеанство. «И Господа, и дьявола хочу прославить я». То есть главное – чтобы круто было.

Впрочем, увлечение революционным насилием было скорее отголоском революции 1905 года. Потом пошла разнообразная чертовщина. Теософия, антропософия, повышенное внимание к разным народным религиозным закидонам вроде хлыстовства. Кстати, поэт Николай Клюев, литературный «крестник» Сергея Есенина, сам попал в литературные круги через то, что имел отношение к хлыстовству. Это не умаляет его таланта. Но «раскручивался» Клюев, умело используя интерес представителей питерской богемы к эдаким вывертам.

Именно в это время наркотики из уголовной среды перекочевали в среду творческих людей. И пришлось там ко

двору. Всплыли гомосексуалисты. То есть они, конечно, всегда были. Но только в серебряный век поэт Михаил Кузмин мог позволить себе опубликовать цикл стихов, посвященных мужчине-любовнику.

Кстати, не стоит думать, что это только богема разлагалась, а народ был чист аки ангел – как нас пытаются убедить господа Говорухин и Михалков. Не буду об этом распространяться, приведу только один факт – насчет народной религиозности. Почерпнутый, кстати, не в каком-нибудь «масонском» издании, а в православном журнале «Фома». В царской армии посещение церкви было обязательным. И потому явка составляла сто процентов. После Февральской революции это стало добровольным делом. И буквально за несколько дней численность солдат, посещающих храмы, упала в десять раз! Так что про насквозь православный народ – не надо...

Но вернемся к нашим творцам. Как видим, царили настроения, типичные для периода упадка. Декаданса. Распада. Дальше пути просто не было. Тупик. И вот потому-то у многих, в том числе и у Александра Блока, в мозгу начинала шевелиться мысль: если все бы это полетело к черту – неплохо бы вышло. Речь идет не о политике. Политикой увлекались перед 1905 годом. Главным врагом был не царский режим, а «обыватель», «мещанин». Говоря современным языком – нормальный человек общества потребления. То есть это теперь он считается нормальным. Тогда вот – не очень. Казалось – от них все зло. Вот если бы устроить мир, чтобы таких вот «тупых и сытых» не стало. Недаром с революцией, одной из целей которой было воспитать нового человека, станут сотрудничать писатели, весьма далекие от большевизма. Наступало время, когда хотелось перемен. Коренных перемен. «До основания, а затем...» Российская империя подошла к тому рубежу, когда ее культурная элита – или значительная ее часть – полагала: пусть все рушится. А там посмотрим. И рухнуло.

Но до революции было еще далеко. Зато под эпохой декаданса была подведена жирная черта. Ее подвел вышедший в

1912 году тощенький сборник, отпечатанный на оберточной бумаге, – «Пощечина общественному вкусу».

Графином в лоб – это победа

История российского футуризма далеко выходит за пределы литературы. Ее имеет смысл изучать всем, кто хочет работать в области пиара или попробовать свои силы продюсером. По сути дела, футуристы были первыми в России деятелями культуры, которые очень четко и грамотно «раскручивались». Мало того. Они умудрились прогреметь на всю Россию, отчаянно рекламируя себя за чужой счет. Впоследствии этот финт ушами с разным успехом проделывали многие. Так, в конце девяностых годов подобным образом раскрутилась национал-большевистская партия писателя Эдуарда Лимонова, который историю футуризма великолепно знает.

А первым до такого на наших просторах додумался человек, которого звали Давид Бурлюк. Вообще-то он считался художником и поэтом. Но рисовал он, прямо скажем, так себе – имелись тогда и среди крайних авангардистов художники куда сильнее. По сравнению со своими товарищами по футуристической борьбе – Филоновым или Кандинским – его просто не разглядеть. Поэтом он являлся и вовсе никаким. Тем не менее Бурлюк был гениальным человеком. Гениальным продюсером. Он первым осознал основной закон

раскрутки – не важно, что о тебе пишут. Главное – чтобы писали как можно чаще! Сегодня это положение кажется общим местом. Но до всего кто-то додумывается впервые. И колесо когда-то было новинкой. В том-то и состоит гениальность, что человек открывает новые горизонты.

А. Крученых. Коллаж

Итак, Бурлюк стал раскручивать футуризм. Вообще-то первая попытка была им предпринята в 1909 году. Тогда он в компании с поэтами Велимиром Хлебниковым и Василием Каменским выпустил сборник «Садок судей». Но то ли время еще не пришло, то ли опыта не хватало – выстрел получился холостым. Поэтических книжек тогда выходило много – и на «Садок» никто внимания не обратил. А вот три года спустя все вышло иначе.

Итак, «Пощечина». Сборник начинался чем-то вроде манифеста. Приведу его полностью (орфография и пунктуация – как в оригинале).

ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ

Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.

Прошрое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода Современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же,

трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот?

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч., и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

1. На увеличение словаря поэта **в его объеме** произвольными и производными словами (Слово – новшество).

2. Непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.

3. С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы.

4. Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма ваших «здорового смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.

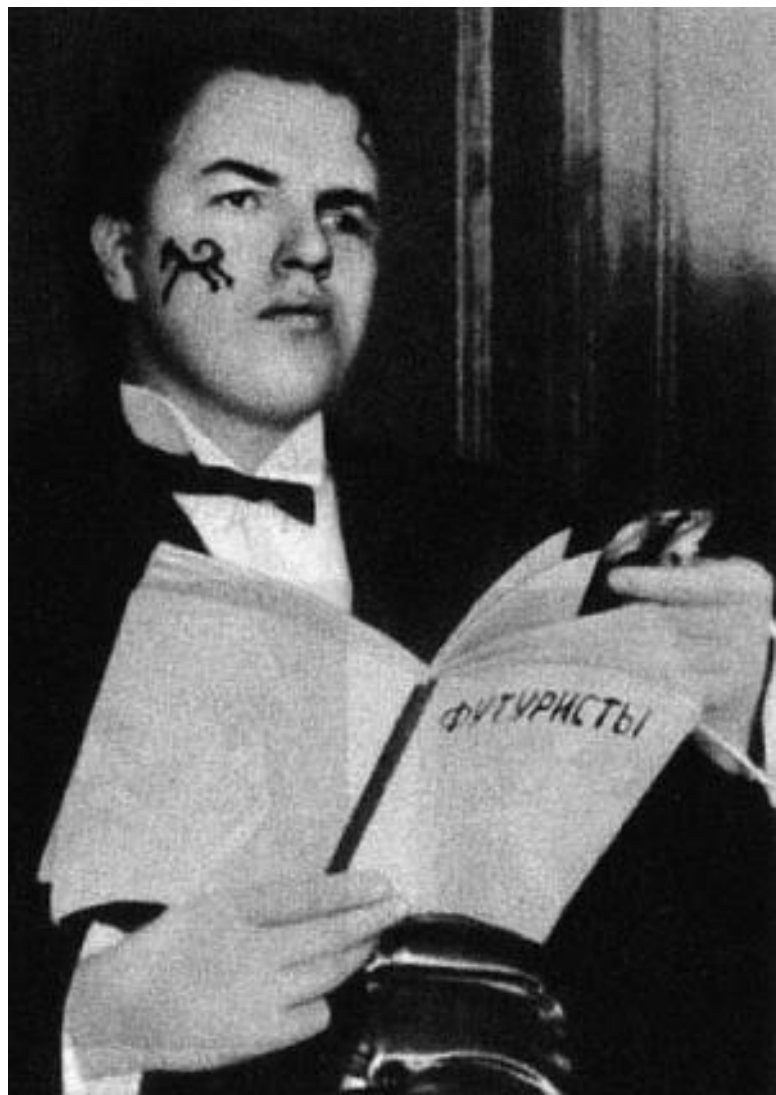
Д. Бурлюк, Александр Крученых⁴,

В. Маяковский, Виктор Хлебников.

Москва. 1912 г. декабрь.

Нынешний читатель может пожать плечами: всего-то? Конечно, по нынешним временам – ничего особенного. Теперь иные деятели искусств, дабы обратить на себя внимание, занимаются даже публичным скотоложеством. Но тогда было другое время! В 1912-м такой текст в самом деле звучал как пощечина. А все потому, что отношение к литературе было иным, нежели в наше время. Ее воспринимали всерьез. За XX век люди насмотрелись и наслушались всякого – трудно чем-то ошарашить, а уж тем более возмутить. Но тогда люди были менее испорченные. Для образованного человека призыв топить классиков звучал страшным кощунством – пусть даже он сам не слишком часто заглядывал в упомянутых авторов. В общем, манифест точно бил в цель. Он не мог остаться незамеченным. И разумеется, не остался.

⁴ Имя Александр входило в псевдоним Крученых под манифестом в «Пощечине общественному вкусу» и в сборнике «Трое», потом поэт стал использовать свое настоящее имя Алексей или заглавную букву «А». Иногда (например, в «Декларации слова как такового») он ставил имя Александр в скобках после Алексея.

Д. Бурлюк с расписанным лицом

Самое-то смешное, что текст писался от фонаря. Как рассказывал присутствовавший при этом поэт Бенедикт Лифшиц, футуристы собрались на квартире у Бурлюка и писали абы что, лишь бы круто. Но ведь хорошо написали! Придуманную Крученых и Маяковским фразу про «пароход современности» склоняют до сих пор. Плохие фразы столько не живут. Кстати, упомянутый Лифшиц, хоть и причислял себя к футуристам, манифест подписывать не стал. Принципиальным оказался.

Сборник вышел тиражом в пятьсот экземпляров – мизерным даже по тем временам. Но Бурлюк обеспечил, чтобы книжка попала куда надо. Так, Хлебников и Каменский заехали на тусовку в «Башню» к Вячеславу Иванову и рассовали в передней книжки по карманам шуб гостей (больше их туда не пускали). Получили по экземпляру и газеты.

Результат вышел примерно такой же, как у питерских национал-большевиков, которые в 1998 году вышли на Невский проспект отмечать день рождения Лаврентия Бериин. Шум поднялся до неба. Чуть ли не все питерские газеты посчитали свои долгом написать, какие футуристы негодяи. Дальше все было просто. По Москве прошли несколько лекций «о новом искусстве». Ломились на них как в буфет – желающих попасть пришлось сдерживать силами конной полиции. Это несмотря на довольно высокую входную плату.

Собственно, никаких лекций не было. Никто и не пытался их читать. Начинали с нескольких сумбурных, но «стреляющих» лозунгов о «новом искусстве», потом начинали декламацию стихов, которая довольно быстро перерастала в скандал, а порой – и в мордобой. Самым злым был творец «заумного языка» (нечто вроде «поэтического абстракционизма») Алексей Крученых. Будучи хлипкого сложения, он первым ввязывался в жаркую дискуссию, не стесняясь в выражениях, а когда страсти особо накалялись и переходили в мордобой, Крученых применял неотразимый аргумент – удар графином по башке. Успех от этого был еще больше.

Чтобы публика не скучала в перерывах между лекциями, футуристы взяли моду прогуливаться по центру Москвы в причудливых костюмах. Маяковский потом говорил, что свою знаменитую желтую кофту он надел от бедности. Это не так. На самом-то деле – из чистого выпендрежа. С той же целью через шестьдесят пять лет английские панки стали делать себе прически индейцев-ирокезов и раскрашивать их в яркие цвета.

Сегодня никого не удивишь необычным прикидом. Но я еще застал времена, когда меня в милицию забирали за простую проклепанную «косуху». Вот и футуристов забирали. Что только добавляло шума.

Дело было сделано. Какой журналист пройдет мимо скандала! Поэтому репортажи с футуристических выступлений печатали обильно и охотно. Я сам журналист, так что по-

нимаю своих предреволюционных коллег. Писать о литературном вечере, пусть даже отличном – скучно. То ли дело – о скандальном шабаше! Попутно можно поизощряться в остроумии, высмеивая горе-поэтов. Или выплеснуть на них ушат благородного негодования. В общем, футуристы получили грандиозную прессу, из которой слава о них пошла по всей Руси великой, малой и белой.

Закрепляя успех, футуристы двинули в турне по стране. Это тоже было внове. Конечно, и раньше, если какой-нибудь видный деятель культуры оказывался в провинции, он обычно выступал с лекцией или чтением своих произведений. Заметим, что тогда читали со сцены не только стихи, но и прозаические произведения. Причем не профессиональные актеры, а авторы, которые не всегда обладали мастерством художественного чтения. Но люди на это шли и платили за это деньги.

Но поездка футуристов более всего напоминает то, что эстрадные музыканты называют чесом, – планомерный объезд глубинки с целью заработка.

Удалось и это. Провинциалы, начитавшиеся столичной прессы, шли поглазеть на скандальных московских знаменитостей. Ведь телевизоров тогда не было. Жизнь в провинции во все времена скучная. А тут такой заезжий аттракцион!

Разумеется, если публика идет на скандал, то он случится в любом случае – к этому даже не нужно прилагать никаких усилий. И случались. Порой осторожные градоначальники

запрещали футуристические выступления. Это тоже шло в плюс. Запрещенное всегда притягивает.

Забавно, но гвоздем программы во время турне был не фактурный Маяковский, обладавший к тому же эффектным и очень красивым баритоном, а довольно средненький во всех отношениях Василий Каменский. Причина крылась в хобби Василия. Он был авиатором. Тогда это было то же, что в шестидесятых годах – космонавт. Большинство провинциалов никогда не видали ни летчиков, ни самолетов. Каменский являлся хорошим символом – человек, сочетающий занятия искусством будущего и техникой будущего. К тому же Василий обладал еще одним достоинством. Когда возмущенный шум в зале доходил до точки, он вкладывал в рот два пальца и разражался оглушительным свистом. Эту манеру впоследствии позаимствовал у него Сергей Есенин.

В. Маяковский. 1916 г.

Надо сказать, что собственно на стихи футуристов тогда никто особого внимания не обращал. Да и какой-то творческий багаж был разве что у Каменского и Хлебникова. Пер-

вого слушать было незачем. Второй же читал свои и без того странноватые произведения отвратительно, поскольку обладал невнятной дикцией и полным отсутствием артистизма. У Маяковского же в запасе тогда не было еще почти ничего.

И вот тут-то произошла довольно интересная вещь. Успех футуристов оказался не только скандальным. Для части аудитории они стали, говоря сегодняшним языком, культовыми фигурами. У них появилось множество поклонников и последователей, которые принимали эти шабаши на ура. Опять же – не столько из-за самих стихов. Но это было круто!

Поклонниками футуристов становились в основном студенты и школьники старших классов гимназий. Что же их так привлекало? Ну, во-первых, футуристы продолжили и довели до крайности ненависть предыдущего поколения к «мещанам», к «сытым». Обывателя было принято не любить. Во-вторых, им нравилось, что они поносят классиков, которых им вдалбливали в гимназии. Я утверждаю: для того чтобы привить людям отвращение к тому или иному писателю, надо включить его в школьную программу. В-третьих, и это главное, молодежи нравился дух отрицания. Разрушительный пафос. Ну надоела им тогдашняя Россия! Хотелось чего-нибудь новенького. За это ведь любили и революционные теории.

Опять приведу параллель из недавней истории. Точно так же в восьмидесятых принимали группы ленинградского рок-

клуба. Музыку – а тем более тексты – воспринимать на концертах было сложно из-за отвратительной аппаратуры. Но музыка по своему духу была явно ПРОТИВ. Хорошо это было или не очень – можно спорить. Но такие вот сложились настроения. Ничего не поделаешь. Как вышло – так вышло.

Футуристы не обманули ожиданий. Закрепляя успех, они стали выдавать на-гора поэтический материал – и из-под их перьев попер уже полный «хеви-метал». Теперь выступления группы проходили так: в проходах – толпа «фанатов» (впрочем, можно и без кавычек), а в зале – возмущенная, но продолжающая ходить на вечера «приличная публика».

«Фронтмена» Каменского сменил Маяковский. О последнем будет отдельная глава, поэтому сейчас я не заостряю внимания на его личности. Хлебников же был поэтическим «золотым фондом», которым козыряли перед эстетам. Крученных с его тарабарщиной проходил как суперэкспериментатор. Его абракадабра выдавалась за нечто запредельно новое. По большому счету, предреволюционные футуристы, несмотря на то что Маяковского признали особо чуткие эсты – такие, к примеру, как художник Илья Репин или уважаемый критик Корней Чуковский, – все-таки оставались в сознании потребителей литературы прежде всего бандой скандалистов.

При этом не стоит думать, что футуристы просто ломали комедию, стремясь прославиться любой ценой. Ни в коем случае. Весь их выпендрей – всего лишь средство обра-

тить на себя внимание. На самом-то деле они действительно считали себя представителями искусства будущего. Как и все остальные модернисты. Во всех странах это был крайне агрессивный стиль. Претензии представителей всех разновидностей модернизма в искусстве не отличались ничем от модернистов в политике. То есть революционеров, а позже – фашистов⁵ и нацистов. Они сводились к тому, что все старое безнадежно устарело. Надо теперь делать по-другому, по-новому. Нужна тотальная революция. Потому-то политические и художественные модернисты находили друг друга.

Что же касается футуристов, довольно быстро они начали выдыхаться. Сколько можно кричать «Долой!»? К тому же наступившая война обратила внимание людей на куда более серьезные вещи. Футуристическая поэтическая компания напоминала творчество своего художника-единомышленника Казимира Малевича. В какой-то момент своей жизни он, разрабатывая свой художественный метод, пришел к черному квадрату⁶ как к результату творческих поисков своего поколения художников. К этому же пришла и литература серебряного века. Занавес упал. Конец действия. Новое будет гораздо веселее.

⁵ В России принято называть последователей Гитлера фашистами. Строго говоря, это не совсем верно. Фашисты были в Италии и некоторых других странах. А среди германских нацистов термин «фашист» был пренебрежительным и означал что-то типа «болтливый интеллигент».

⁶ Малевич отнюдь не был эдаким «выпендрейником». Он очень серьезно относился к своим экспериментам. А что такой результат получился... Бывает.

Ветер больших перемен

Пожар в дурдоме

Как часто бывает, крутые перемены, которых так долго ждали, свалились на голову совершенно неожиданно. Для большинства русских литераторов Первая мировая война как-то прошла стороной. Исключение составляют разве что Николай Гумилев и его товарищ по «Цеху акмеистов» поэт Владимир Нарбут, впоследствии сыгравший огромную роль в литературной карьере Ильфа и Петрова. Эти двое честно воевали, а Нарбут даже потерял на войне руку. Но о них рассказ впереди. Остальные до фронта не доехали. Это им не в упрек – но против фактов не попрешь. Поэтому революция шарахнула литераторам железным молотком по голове. Многие из тех, кто так жаждал перемен, посмотрев этим самым переменам в лицо, сильно испугались. Страшноватым это лицо оказалось. И к тому же совершенно непонятным.

О революции надо сказать несколько слов. Сегодня иные умники называют ее «переворотом». Так вроде бы унизительнее звучит. Почему-то французы про свою Великую революцию такого не говорят. Хотя крови, грязи и мерзости там было не меньше.

Но бог с ними, с французами. В России случилась именно

Великая революция. И сделали ее не только большевики. Революция началась в феврале 1917 года и без четкой границы переросла в гражданскую войну всех против всех. Большевистский переворот 25 октября был одним из ключевых эпизодов революции. Но только «одним из». События развивались гораздо интереснее. Так, к примеру, Нестор Иванович Махно в своем родном Гуляйполе установил советскую власть еще в августе 1917-го. А в некоторых местах и до, и после 25 октября долгое время вообще никакой власти не было. Не будь большевиков – все могло бы сложиться иначе. Но вряд ли лучше. Потому что Леонид Андреев в «Сашке Жегулеве» был прав – «время настало такое». Никто не любит стихийных катастроф, но они случаются.

Разница только в том, что революции, в отличие от стихийных бедствий, делают люди. Ими движут очень разные мотивы. Одни хотят справедливости, другие – севрюжины с хреном. В революцию идут идеалисты и негодяи. Причем часто все это сочетается в одних и тех же товарищах.

Революция всегда замахивается очень широко. Те, кто ее делает и кто ей сочувствует, всегда полагают, что это «последний и решительный бой». Не с конкретными несправедливостями (а революции происходят ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО там, где несправедливости столько, что нет сил терпеть). Штурманы этой бури намерены искоренить несовершенство мира раз и навсегда.

И уж тем более сказанное относится к русской революции,

которая рассматривалась как начало мировой. При этом, повторюсь, шли в нее очень разные люди. А потому хаос в головах царил капитальный. В том числе, кстати, и в рядах правящей партии.

Есть замечательная книжка – протоколы VIII съезда РКП(б), который проходил в марте 1919 года. Это было первое массовое собрание большевистской элиты после того, как они взяли власть. Первое, что поражает в этих протоколах, – средний возраст делегатов. Согласно регистрационным документам, он составляет 31 год!⁷ Это, заметьте, элита партии, ее костяк. Тогда на съезды посылали не в ладоши хлопать.

Но еще интереснее сами дискуссии. Как из них следует, в партийных мозгах царил полный разброд. Размах мнений был совершенно чудовищный. То ли прямо сейчас идти и мутить мировую революцию, то ли разбежаться по кустам и отдать власть кому-нибудь другому. Пусть, мол, они расхлебывают⁸.

Если так дело обстояло в одной из самых дисциплинированных в истории партий, то можно представить, что творилось в головах тех, кто примкнул к революции исходя из каких-то собственных соображений. А таких всегда много. В первые послереволюционные годы многим казалось, что

⁷ Ленину в 1917 году было 47 лет, и его в партии называли Стариком.

⁸ У белых, кстати, царил еще больший разброд. Там вообще чуть ли не каждый сражался за что-то свое.

большевики – это всего лишь эпизод. Потом начнется новый этап (забегая вперед, замечу – так ведь через пятнадцать лет и случилось).

Но вернемся к литературе. Сразу после революции наблюдалась следующая картина. Данное место оказалось вакантным. Руководители большевиков не лаптем щи хлебали. Они прекрасно понимали: голой силой страну не удержишь. Да к тому же, что бы там о них ни говорили, большевики не являлись циничными подонками, которых волновала только власть сама по себе. Не так ведут себя временщики, совсем не так. Они торопятся вывезти за рубеж все, что не привинчено. Большевики же отчаянно пытались создать новый мир. И кстати, не они начали Гражданскую войну. Сначала казалось – все можно решить по-тихому. Не вышло, конечно. Но дело не в этом.

Как бы то ни было, новая власть озаботилась вопросами искусства. Кстати, не все помнят, что большевики тут же взяли под охрану все дворцы, являвшиеся памятниками архитектуры, – Зимний, Царское Село, Петергоф и так далее. Для сравнения. Вспомните, к примеру, Версаль и Зимний дворец. Что поражает во французском дворце – так это полное отсутствие обстановки – мебели, гобеленов и так далее. А знаете, почему ее там нет? Потому что французская революционная власть всю дворцовую обстановку *распродала* под лозунгом «Что взято у народа, то должно быть возвращено народу». А вот большевики сохранили.

Это о старом искусстве. Но требовалось и новое. Другое дело, искусство требовалось не абы какое, а то, что помогало бы большевикам в деле строительства нового общества. Беда была только в том, что большевики сами толком не понимали, что оно – и новое общество, и новое искусство – должно собой представлять. Маркс об этом ничего толком не сказал. Понятно было лишь, что новое искусство должно принципиально отличаться от старого. А чем? Вопрос, конечно, интересный...

Еще одна проблема заключалась в том, что большинство деятелей культуры не спешили бежать к новой власти. Одни сразу поняли, что в новые времена им в России делать нечего. Другие решили выждать – авось это ненадолго. Третьи просто несколько обалдели от происходящего. Часто водораздел происходил отнюдь не на идейной почве. К примеру, Куприн не имел ничего против большевиков. Но в силу личных отношений он подался в эмиграцию. То же приключилось и с Алексеем Толстым. В общем, с деятелями культуры вышло как-то хило. Но кое-кто откликнулся.

Наш пострел везде поспел

Первыми сориентировались в ситуации неугомонные футуристы. Терять им было нечего, даже цепей – за неимением таковых. В наступившей неразберихе они увидели для себя великолепный шанс осуществить свои заветные чаяния:

перевернуть искусство, переделать его так, как они считали нужным. Затея имела успех. Левые труженики пера и кисти прибежали по первому зову наркома просвещения Луначарского и сумели убедить новую власть, что они-то и есть настоящее революционное искусство. Особо выбирать большевикам было не из кого – футуристы получили карт-бланш и развернулись на полную катушку.

Ленин выступает на открытии гипсового памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу. 1918 г.

Более всего отличились художники и скульпторы. Так, к примеру, знаменитый Татлин к годовщине Октября раскрасил из пульверизатора деревья на Красной площади в красный цвет. Ничего так смотрелось, наверное. Но это было только начало.

В первые годы советской власти была принята так называемая программа «монументальной пропаганды». Ее целью была установка на улицах и площадях Москвы скульптур знаменитых революционеров. Надо сказать, что в те времена под революционерами понимались все, кто в мировой истории боролся за дело трудового народа. От руководителя восстания римских рабов Спартака до анархиста князя Кропоткина. В итоге в Москве возникли многочисленные гипсовые сооружения весьма странного вида (гипсовые – потому что на бронзу средств не было). Так, памятник Марксу и Энгельсу представлял собой отцов-основоположников, высывающихся по пояс из какого-то непонятного сооружения античного вида. Народ тут же прозвал творение «два мужика в ванной». Но самый забавный эпизод произошел с памятником анархисту Кропоткину. Памятник был тоже шибко авангардный. Но простояла скульптура недолго. Как-то поутру от нее обнаружили лишь жалкие остатки. Скульптуру взорвали. Времена были суровые – и в ЧК заподозрили контрреволю-

люционный акт. Расследовать долго не пришлось. В богемном кафе «Домино», что располагалось на Тверской (в романе Алексея Толстого «Хождение по мукам» оно довольно точно описано под именем кафе «Бом»), чекистам тут же сообщили, что памятник рванули... анархисты. Сторонников безвластия в Москве тогда было как собак нерезаных. На Малой Никитской у них было нечто среднее между клубом и «малиной». Жили они весело и плевать на всех хотели, развлекаясь в основном грабежом, простите, экспроприацией ценностей в «буржуйских» домах. Руководил ими, кстати, известный актер Мамонт Викторович Дальский⁹, еще до революции прославившийся не только своим талантом, но и разными дикими выходками. А после Октябрьского переворота его темперамент развернулся в полной мере.

Но до поры до времени большевики на развлечения анархистов закрывали глаза. Все-таки вроде как союзники¹⁰. Так вот, анархисты, увидев футуристическое творение, пришли в сильное негодование, оценив его как глумление над своим любимым вождем. Ребята они были крутые, а потому свое отношение к памятнику выразили четко и конкретно. Группа добровольцев вышла с Малой Никитской, прихватив гра-

⁹ Странное имя Мамонт – настоящее. Псевдонимом является фамилия. Настоящая – Неелов.

¹⁰ Кстати, матрос Анатолий Железняков, разогнавший Учредительное собрание, был не большевиком, а анархистом. А потом погиб, сражаясь за красных, но так и не изменив своих убеждений. Наверняка он революцию видел как-то по-своему.

наты. И памятника не стало. Его решили не восстанавливать. Литераторы тоже не пропали. В Петрограде Маяковский сотоварищи создали газету «Искусство коммуны», которая регулярно выходила, пропагандируя революционное искусство. Издание находилось на содержании Петросовета, который обеспечивал футуристов главным дефицитом издателей того времени – бумагой. С этим у футуристов был полный порядок, как и с распространением – ведь газета числилась чуть ли не официальным органом. Так что ее распространяли наряду с «Правдой» и «Известиями».

Тут, кстати, стоит пояснить. Даже в годы «военного коммунизма» функционировало много негосударственных издательств, пользовавшихся относительной свободой. Конечно, ничего антисоветского напечатать было нельзя, но в остальном... Нужно было лишь получить разрешение на издание в надзорном органе Центропечати или ее региональных филиалах. Бардак в этих заведениях царил страшный. Эдуард Лимонов в книге «Молодой негодяй» рассказывает о харьковском художнике-футуристе Ермилове, который во время визита Хлебникова в этот город решил издать книгу стихов поэта. Разговаривать с местным комиссаром, отвечающим за издательское дело, Ермилову было лень. Так он просто подделал разрешение. И ничего. Книга вышла, никто и не заметил, что она напечатана «слева». (Это издание мне доводилось видеть на выставках, посвященных Хлебникову.) Вообще, если имелась своя бумага, издавать поэзию

можно было сколько душе угодно. К примеру, Николай Гумилев издал в Петрограде в 1918 – 1919 годах ряд своих поэтических сборников, хотя к революции они никакого отношения не имели.

Можно было издавать на государственной бумаге – и за бесплатно, – если доказать, что стихи служат революции. На этом, к примеру, отчаянно играли Есенин и Мариенгоф. Это кстати о населении, которое якобы было до смерти запугано красным террором. Кто-то, возможно, и был запуган, а вот некоторые развлекались как хотели.

А у «Искусства коммуны» таких проблем вообще не было. Для большевиков эта газета и издававшиеся вокруг нее сборники того же Маяковского были своими.

* * *

Замахивались же футуристы на большее. По сути, они метили на то, чтобы стать официальным искусством. Единственным. В этом нет ничего ни нового, ни необычного. Все к этому стремятся. Только не все признаются. Как ни крути, государство – самый лучший заказчик. Пикассо, к примеру, тоже неоднократно заявлял, что был бы очень рад, если бы его произведения пропагандировались «сверху». Да что далеко ходить! Вспомним недавнюю нашу «демократическую творческую интеллигенцию», которая после разговоров о «свободе» начала отчаянную борьбу с конкурентами –

писателями с национал-патриотическими взглядами – за государственную поддержку. В Петербурге они ее не получили только потому, что на выборах первого губернатора поставили не на того кандидата.

А уж что сейчас творится в кинематографе вокруг выделяемых государством средств – это вообще что-то неприличное. При СССР хотя бы грызлись в кулуарах, а теперь выносят дразги на всеобщее обозрение.

Другое дело, что футуристы, в отличие от вышеназванных, стремились не к месту у кормушки. Потому что тогда никто не знал, где большевики будут находиться в скором времени – в Кремле или на фонарях. В «культурном обществе» большинство полагало – красные не продержатся и нескольких месяцев. Футуристы нахраписто лезли в официоз, потому что искренне верили: они «знают, как надо». Так думали все модернисты. В этой среде – гораздо больше изломанных судеб, нежели удачных карьер. Такое уж время было, такие уж люди.

Что же касается футуристов, то они совершенно справедливо ощущали внутреннее родство с революцией. Оставим на потом Маяковского. Возьмем другого знаменитого футуриста – Велимира (Виктора) Хлебникова. Одни считают его гением, другие – шизофреником. Хотя одно другому не мешает. Но и те и другие видят его эдаким благостным хиппи, погруженным в свой мир. В чем-то это верно. Но не совсем... Вот две его поэмы, посвященные революции, – «Ночь перед Советами» и «Настоящее». Первая начинается с того, что старой барыне является не менее старая служан-

ка и меланхолически заявляет: «Барыня, барыня, вас завтра повесят». И далее автор раскрывает, за что такое наказание, а по большому счету – пытается объяснить причины революции. По Хлебникову это – МЕСТЬ. Справедливая месть. Народ платит по старым счетам за все, начиная с крепостного права. И тут ни о каком гуманизме речи не идет.

Вторая поэма – произведение жутковатое. Тихий кроткий Хлебников откровенно любит революционную «улицей», истребляющей «сытых».

Знайте – сегодня самый страшный грех:

Пощада!

Или вот еще:

Эй, молодчики, купчики!

Ветерок в голове.

В пугачевском тулупчике

Я иду по Москве!

Замечу, что Хлебников и в самом деле был абсолютно бескорыстным человеком и писал только то, что думал. Недаром, когда его занесло в Персию вслед за вступившей туда Красной армией (был такой малоизвестный эпизод Гражданской войны в 1920 году), иранцы прозвали Велимира «урус-дервиш» – русский дервиш. То есть святой человек, который понимает сокровенную правду и говорит ее людям. Так вот «дервиш» расценивал происходящие события так, как он их расценивал. А ведь он шатался по стране в самые лихие

времена – и видел все, как оно было на самом деле. Это потом пастернаковский доктор Живаго будет судить обо всем с точки зрения гуманизма. А вот Хлебников, в отличие от Пастернака видевший все своими глазами, был другого мнения.

* * *

Будучи на подъеме, футуристы пытались для большей солидности разрабатывать теорию революционного искусства. Тут ничего путного не вышло. Теоретические статьи в «Искусстве коммуны» были непонятны, наверное, даже самим авторам. Это была многословная наукобезобразная галиматья. С практикой тоже особо не получилось. Можно по-разному относиться к творчеству футуристических писателей и художников. К последним, кстати, кроме Малевича в то время принадлежали Филонов и Кандинский. Но в любом случае футуристы, скажем так, сложны для понимания. В деле «воспитания масс» левые деятели искусств особо помочь не могли. Хотя из их разработок выросло многое. Но в первые послереволюционные годы не существовало даже этих разработок. Они появятся позже. Пока что роман советской власти и футуристов медленно, но верно заходил в тупик. «Вы нас не понимаете? Так учитесь!» – отвечали футуристы с милой непосредственностью на все упреки. Большевиков такая позиция не устраивала. Хотя тот же Маяковский искренне хотел помочь. Чего только стоит его работа в «Окнах

Кстати, модернисты и в Европе тяготели к крайним революционным партиям. Которые, заметим, там не пришли к власти. Но тем не менее. Начнем с итальянских единомышленников футуристов. Российские футуристы и до революции от этого родства всеми силами открещивались. Хотя общие черты просто бросаются в глаза. Скорее всего, потому, что наши не желали быть «филиалом» за границы (там футуристы появились раньше), они сами хотели играть лидирующую роль. Что же касается идейного багажа, то он не так уж и различался. Идеолог итальянских футуристов Томазо Маринетти, разумеется, провозглашал свое направление «искусством будущего». Он тоже предлагал «скинуть с парохода» все, что только можно. И не только скинуть, но заодно уж и сжечь музеи и библиотеки. Чтобы не мешались под ногами. Впрочем, в Италии к этому относились как-то более спокойно, нежели в России. Возможно, потому, что там старого искусства настолько много, что от него рябит в глазах. Когда прекрасного слишком много, оно перестает таковым восприниматься.

Так вот, итальянские футуристы присоединились к Муссолини, едва только он начал раскручивать фашизм. И активно помогали дуче в его нелегком деле. Впрочем, Муссо-

линии увлекались тогда многие. Например, писатель и террорист Борис Савинков. Да у Бердяева есть восторженная статья про фашизм, о которой очень не любят вспоминать.

Во Франции в двадцатых годах пышно расцвел сюрреализм. На первый взгляд это течение, заикнувшееся на копании в собственном подсознании, на плохо понятом фрейдизме, никоим образом не стыкуется с политическим радикализмом. Но тем не менее. Во главе со своими лидерами Анри Бретоном и Луи Арагоном сюрреалисты стройными рядами двинулись в коммунистическую партию Франции. Первая крупная выставка сюрреалистов прошла в здании ФКП. Они очень много сделали для того, чтобы эта партия стала одной из самых крупных красных европейских организаций. Впоследствии Арагон отошел от сюрреализма и стал основателем французского социалистического реализма – было и такое. А вот Бретон после высылки Троцкого и раскола коммунистического движения примкнул к троцкистам как к самым радикальным и отмороженным.

После Первой мировой войны в Германии возникло поэтическое направление экспрессионизм, представляющее из себя «чернуху» в чистом виде. «Все дерьмо, будущего нет». Представители этого течения метались между коммунистами и молодыми нацистами. Лучший из экспрессионистов, поэт Готфрид Бенн, восторженно принял победу Гитлера. Правда, потом отношения у него с нацистами испортились, но тут никто не виноват. Ну не понравился Готфрид Бенн

Геббельсу. Пришлось поэту оставить литературу и идти служить в вермахт, где он дослужился до полковника медицинской службы.

В чем причины такой любви «крайних» деятелей искусств и таких же политиков? Модернисты чуяли в политических радикалах своих. Коммунисты, фашисты, нацисты – все они планировали разрушить мир «до основания» – и на руинах построить новый. Все «ультра» кричали о своей лютой ненависти к обывателям, обещая более высокий смысл существования человека, нежели удовлетворение своих материальных потребностей. Кроме всего прочего, «ультра» – это была СИЛА. Прямая, простая и грубая. Радикалы намерены были добиваться своих целей, не оглядываясь ни на законы, ни на мораль. Это завораживало. И завораживает. Помните, случай с Есениным, с которого я начал книгу? Проклинать и ниспровергать куда сподручнее, когда за твоей спиной стоят крепкие боевики.

* * *

Что же касается России, то золотое время для футуристов кончилось в 1922 году. До этого главным их другом в советском правительстве был нарком (министр) просвещения Анатолий Луначарский. Вообще-то он был человеком старшего поколения, совершенно лишенным размашистого революционного нигилизма. Тем не менее футуристов он про-

двигал. Возможно, потому, что очень ценил Маяковского и Хлебникова – просто как поэтов. Возможно, полагал, что у них пройдет «детская болезнь левизны» – и они станут поспокойнее. Остальным видным большевикам было как-то не до искусства. Но в конце концов Троцкий отдал приказ написать италя янским коммунистам – попросить узнать, какую политическую позицию занимают итальянские футуристы? Неизвестно, был ли ответ, но если был – он явно Троцкого не порадовал. А тут еще в дело вмешался Ленин. Владимир Ильич, хоть и был типичным модернистом в политике, в искусстве придерживался достаточно консервативных взглядов – он любил нормальный реализм образца XIX века. И что важнее, как опытный политик, Ленин прекрасно понимал, что с футуристами каши не сваришь. Мало того что они сами были малопонятными простому народу, так еще своими закидонами отпугивали других деятелей культуры, которые стали потихоньку менять свое отрицательное отношение к власти. В общем, Ленин заявил, что Луначарского «надо за футуризм сечь». Вот и вся любовь. Как сели футуристы на холку власти, так и слетели. Нет, никаких карательных мер к ним не применили. Просто сняли режим наибольшего благоприятствования, предоставив им крутиться как знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.